

НЕ О ДРЕВНЕЙ НЕНАВИСТИ, А О ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИКЕ: ИСЛАМ И СТАБИЛЬНОСТЬ НА КАВКАЗЕ

Бренда Шеффер, Гарвардский университет

Резюме

Использование религиозных ярлыков в отношении различных противоборствующих сторон на Кавказе мало способствует пониманию корней этих конфликтов и, следовательно, нахождению соответствующих решений. Ислам не является основной коллективной идентичностью всех мусульман Кавказа и играет лишь незначительную роль в поразивших регион конфликтах. Не всякое осуществляемое мусульманами насилие является исламским терроризмом, и не все политические движения с участием мусульман являются исламскими движениями. В регионе большинство соблюдающих религиозные ритуалы мусульман не связано с ваххабизмом и часто этот ярлык непригоден. Важнейшие коалиции вовлеченных в конфликты государств не основаны на религиозном родстве. Что касается внешних участников, поддерживающих исламский радикализм в регионе, то большинство из них происходит из стран, считающихся прозападными: Саудовской Аравии, Пакистана и Турции (преимущественно из числа неофициальных групп). Деятельность "афганских арабов" в регионе является источником нестабильности и беспокойства. Политика Ирана в регионе преимущественно основывается на геополитических интересах, а пропаганда исламского фундаментализма является лишь незначительной гранью его деятельности.

Введение

Часто во многих сообщениях и анализах конфликты на Кавказе описываются как проистекающие из застарелой ненависти, религиозных различий и как имеющие глубокие корни. При описании мотивации и поведения вовлеченных в конфликты мусульман, таких как чеченцы и азербайджанцы, подавляющее большинство авторов полагает, что ислам является их первичной коллективной идентичностью, что их борьба основана на исламе и что их религиозные убеждения делают их склонными ненавидеть немусульман и действовать насильственным путем. Например, чеченцев обычно именуют "исламскими мятежниками", а силы Москвы – "российскими солдатами", и их определяют по их этнической и государственной принадлежности, а не по их религии. Несмотря на то, что религия играет незначительную роль в карабахском конфликте, он часто описывается как спор между христианской Арменией и шиитским мусульманским Азербайджаном. Сэмюэл Хантингтон считает, что конфликты на Кавказе объясняются тем, что они возникли на "линии разлома" между православием и исламом, и предполагает, что коалиции в данном районе создаются на базе христианства/мусульманства. Если признать действительными эти объяснения источников конфликтов, то отсюда вытекает вывод, что их причиной было не поведение местных элит и внешних сил и что религиозные различия и история взаимоотношений народов Кавказа сделали эти конфликты почти неизбежными. Логическое продолжение такого анализа неизбежности этих конфликтов состоит в том, что от изменения позиции внешних сил в кавказском регионе ситуация существенно не улучшится.

В противоположность этому имеются данные о том, что традиция ненависти и причины для вражды существуют почти везде, хотя конфликты возникают не в каждом регионе. Более того, даже в тех местах, где есть традиция позитивных взаимоотношений, взаимной толерантности и религиозной близости, часто вспыхивают конфликты. Представляется, что эти конфликты были обусловлены не давней ненавистью и религиозными различиями, а нынешним поведением и политикой местных элит и

региональных держав. Более того, в случае Кавказа, особенно во взаимоотношениях между армянами и азербайджанцами, существует столько же исторических примеров позитивных взаимоотношений, сколько и свидетельств о взаимоотношениях негативных; таким образом, хроника отношений между двумя народами имеет мало общего с тем конфликтом, который возник между ними. Кроме того, разная религиозная принадлежность играет лишь малую роль в нынешних конфликтах на Кавказе, и в частности, ислам не играет роли в карабахском конфликте с Арменией, и лишь незначительную роль в чеченской войне в России. Относительно роли ислама в конфликтах на Кавказе можно сделать несколько утверждений:

- ислам не является основной коллективной идентичностью большинства мусульман Кавказа. В частности, в случае Азербайджана этнонациональная принадлежность явно сильнее принадлежности к исламу.
 - важнейшие коалиции вовлеченных в конфликт государств не основаны на религиозной близости. Например, Исламская Республика Иран вступила в сотрудничество с Арменией и Россией в ущерб шиитскому Азербайджану.
 - политика Ирана в отношении конфликтов на Кавказе определяется его государственными геополитическими интересами и в очень небольшой степени - исламской идеологией. Кроме того, Иран прибегает к распространению ислама на Кавказе почти исключительно тогда, когда это не может нанести ущерба его стратегическим интересам в регионе, и часто манипулятивно использует ислам с целью продвижения этих интересов, в первую очередь по отношению к России.
- На Кавказе коллективная идентичность существует на разных уровнях: семья или клан, региональные группировки, этнические группы, религиозная, республиканская и, в определенной степени, "советская" идентичность. Религиозная принадлежность является лишь одним из многих слоев идентичности жителей региона, и не обязательно основной. Различные коллективы выполняют свою роль в политике региона. Например, такие традиционные группировки, как широкие семейные связи в Азербайджане, заполнили собой некоторые функции, не осуществляемые более государством, и тем самым смягчили удар от перехода к рыночной экономике и крушения той социальной сети, которую раньше обеспечивало государство. Кроме того, относительно низкий уровень насилия внутри таких государств, как Азербайджан, даже при повышенных политических сдвигах, частично может быть объяснен функционированием расширенного числа семейных представителей, как посредников между частями правительства и требованиями более широкой общественности. Помимо этого, семейные отношения поддерживаются на высшем уровне большинством народов Кавказа и большого Каспийского региона, а между соперничающими политическими лагерями часто существуют семейные связи, например, между Гейдаром Алиевым и Абульфазом Эльчибеем в Азербайджане. Поэтому, частые периоды нестабильности и политические сдвиги в регионе, такие как в Азербайджане, не отмечаются высокой степенью насилия. Семейные связи играют определенную роль в политических процессах в регионе, добавляя еще одно измерение к этническим связям. Например, они играют важную роль в сохранении отношений между азербайджанцами, живущими в республике и по ту сторону ее границы с Ираном, также как и между армянами в государстве, и в Карабахе и Грузии. Общая первичная зависимость от широкого семейного круга ослабила потенциальную привлекательность других коллективных идеологий, таких как ислам, хотя конечно, он также присутствует в регионе. В то же время, эта сильная семейная привязанность является препятствием для государственного строительства и воспитания национальной солидарности, которые могут быть источниками стабильности.

Со времени советского распада, одним из важных факторов относительной внутренней стабильности в новых мусульманских государствах соседней Средней Азии стала сила местных, традиционных властных структур, которые смогли выжить как оплот против

беспорядка в регионе, обеспечив непрерывность руководства и низкое влияние внешних, радикальных сил. Эти местные властные структуры, такие как семья и региональные группировки, устояли в советский период, а политические элиты советской эры в регионе были очень часто основаны на этих традиционных структурах. Их выживание в Советском Союзе и их продолжение после его конца, объясняют почему не возникло "вакуума", который мог бы быть использован иностранными или другими радикальными силами.

Ислам на Кавказе

Для большинства мусульман Кавказа ислам является компонентом их этнической и национальной идентичности, но не является их первичной коллективной идентичностью. Солидарность на исламской основе с мусульманами за пределами Кавказа является минимальной, хотя начинает проявляться среди малых групп на Северном Кавказе. Большинство членов региона держит на высоком уровне свою местную культуру, и они не являются особенно восприимчивыми к основным видам идентичности более широкого мусульманского мира. Более того, ислам редко служит в качестве объединяющей идеологии первичного тождества, объединяя мусульманских жителей региона, а многие конфликты довлеют над членами одной и той же религии.

Внешние силы слишком легко назвали массовые формы разногласий в регионе "исламскими". Например, когда азербайджанцы передвинули пограничные посты в декабре 1989 года, пытаясь установить контакты с представителями их со-этноса по ту сторону границы в Иране, Западные источники тенденциозно интерпретировали это как их желание иметь связи с "хомейнизмом" в Иране. Несмотря на то, что ислам играет довольно вторичную роль в конфликте, совсем недавно деятельность чеченцев, вовлеченных в то, что они считают национальной борьбой за независимость, в основном называлась на Западе "исламским" насилием. Сам по себе ислам не является дестабилизирующим фактором, и не все этнические или региональные конфликты, в которые вовлечены мусульмане, являются по природе своей религиозными. Не все акты насилия и террора, совершаемые мусульманами, должны рассматриваться как исламский терроризм. Как внутри, так и за пределами региона, различные силы часто манипулируют в своих целях исламскими ярлыками и мусульманским происхождением многих народов Кавказа. Для Западной аудитории и у себя дома Москва моментально приклеивает исламские ярлыки на движения мусульман, требующих в рамках своих границ независимости или автономии, с целью оклеветать их, а также добиться симпатии Америки и приемлемости ее политики в отношении мятежников. В советский период набожные мусульмане, в общем, неправильно упоминались как "ваххабиты", с которыми была связана более пугающая ассоциация, чем с теми, кто просто соблюдал религиозные обряды. Несмотря на то, что немногие из мусульман на Кавказе действительно связаны с ваххабитскими движениями, Россия продолжала наклеивать ярлыки на мусульманских деятелей. Мусульманские радикалы с Ближнего Востока также любят наклеивать исламский штамп на восстания на Кавказе и в Средней Азии, и часто оказывают поддержку политическим движениям в этом районе, даже если основная цель движения не является исламской по своей природе, хотя в отдаленной перспективе они могут оказывать и влияние таким способом. Многие боевики на Кавказе, такие как Шамиль Басаев, любят наклеивать исламские этикетки на свою борьбу, с целью придания своему насильственному поведению атмосферы легитимности и уважения, в то время как в своем личном поведении они проявляют мало черт религиозной чистоты.

Подавляющее большинство мусульман Северного Кавказа является суннитами, в то время как азербайджанцы являются преимущественно шиитами. Однако, шиитский

фактор не имеет влияния на политическую ориентацию или деятельность азербайджанцев, и фактически Азербайджан имеет напряженные отношения со своим шиитским соседом Ираном. Ислам представляет собой преимущественно культурную силу и лишь немного политическую силу в регионе, особенно в Азербайджане. Ислам формирует порядок проведения главных ритуалов, таких как регистрация рождения, смерти и браков, но проявляет себя в немногих политических ситуациях. Суфистский ислам очень выделяется и популярен на Северном Кавказе, и традиционно не нацелен на формирование политических или высоко институционализированных структур. Как таковой, он потенциально вносит вклад в воспитание политической сдержанности. Суфистский ислам в целом глубоко осуждается ваххабитской идеологией и не выглядит в качестве благодатной почвы для распространения этого движения, тем самым ослабляя утверждения Москвы о ваххабитской основе чеченского движения.

Азербайджан заявил в своей конституции о четком отделении религии от государства, и не предоставил какого-либо специального статуса исламу. Более того, религиозные партии являются незаконными, а духовные лица не могут претендовать на государственные должности в Азербайджане. Как часть продвижения к четкому разделению между религией и государством, суды в Азербайджане требуют, чтобы женщины снимали с головы косынки при фотографировании для официальных документов. Азербайджан имеет долгую традицию секуляризма. С включением в Российскую империю, азербайджанцы оказались среди первых мусульманских групп, попавших под европейское колониальное правление. В соответствии с русской колониальной политикой, была узурпирована основная часть власти мусульманского клерикального истеблишмента. Освобожденные от религиозной стесненности, азербайджанцы и другие мусульмане в России превратились в плацдарм секуляризма и пропонентами современного образования в мусульманском мире.

Как контраст, на Северном Кавказе некоторые из местных региональных правительств предоставили исламу специальный статус. Однако, местная идентичность очень сильна и маловероятно, что универсальная исламская идентичность превзойдет ее как первичная коллективная идентичность различных групп на Северном Кавказе.

В Азербайджане и на Северном Кавказе официальные клерикальные иерархии, мечети и институты религиозного образования функционируют преимущественно ради попыток контролировать ислам и мобилизовать часть своих пропонентов для службы режиму. Официальные исламские институты достигли различной степени успеха. В условиях захлестнувших регион конфликтов, на Кавказе официальный клерикальный истеблишмент имеет тенденцию к поддержке стабильности и проявляет враждебность к любым формам исламского радикализма и большей части основанных на исламе форм политической активности. Кроме того, эти элементы рассматриваются официальными духовными лицами как соперничество с ними за власть и статус. Во многих случаях, таких как Чечня и в связи с Карабахским конфликтом, мусульманский клерикальный истеблишмент поддерживал сдержанность и пытался способствовать разрешению конфликтов. Тем не менее, необходимо отметить, что из-за их сотрудничества с правящими государственными элитами в регионе, большинство клерикалов истеблишмента потеряло свою легитимность в глазах более радикальных и набожных мусульман, и вследствие этого имеет незначительное влияние на экстремистских мусульман, в то время как в регионе действует много независимых клерикалов.

Не испытавшие на себе Западного колониализма, многие жители региона не поддерживают анти-Западной ориентации, а многие сохраняют амбивалентное отношение к Москве. Даже усердные сторонники независимости региона часто признают, что взаимодействие с Россией внесло свой вклад в их национальное развитие. В то же время, в пост-советский период часть жителей региона недовольна нашествием

и натиском Западной культуры на традиционные местные ценности и культуру, хотя кажется, что Москва в той же степени, если не больше чем Запад, обвиняется в таком культурном натиске. Политическая активность с участием мусульман и примеры их борьбы не обязательно соответствуют представлениям о мусульманском поведении, связанном с радикальными арабскими движениями на Ближнем Востоке. Отсутствие использования азербайджанцами террора против армянских гражданских целей в Карабахском конфликте иллюстрирует эту точку зрения.

Основанное на религии радикальное поведение кажется преобладающим в тех местах региона, где многие люди живут вне их традиционных мест поселения. Страдающие от отчужденности со стороны нового окружения, чаще в больших городах, без существовавшей у них дома системы обеспечения благосостояния и без социальных ограничений их поведения, индивидуумы более поддаются радикальному влиянию и склонны к такого типа поведению в нетрадиционной обстановке.

При попытке оценить степень распространенности ислама среди населения Кавказского региона, важно провести различие между показателями социального консерватизма и исламской набожностью. Во многих частях региона социальные нормы, которые устанавливают строгие поведенческие коды в таких областях, как сексуальные отношения и одежда, имелись еще до прихода сюда ислама. Многие из таких факторов, как социальная сегрегация и дифференциация в занятости между полами, скромная одежда и накидки для волос у женщин, интерпретировались многими исследователями как внешние черты исламской религиозности и идентичности. Многие азербайджанцы, например, имеют светское мировоззрение и не соблюдают определенные исламские законы (такие как запреты на алкогольные напитки и потребление свинины), хотя они соблюдают многие консервативные социальные обычаи. Очевидно, что значительная часть этого традиционного поведения коренится в практике, которую профессионалы не обязательно связывают с исламской религией при проведении научных наблюдений. Такие наглядные примеры результатов широкого политического насилия и исламского радикализма, как соседний Афганистан и Таджикистан, а также результаты чеченского конфликта, служат постоянным предупреждением жителям Кавказа об опасности экстремизма подобного типа. Даже многие религиозные люди в регионе констатируют, что необходимо избегать основанного на исламе радикального политического действия, чтобы их страна не превратилась в "другой Афганистан".

В условиях экспорта исламского радикализма на Кавказ, наиболее активными являются внешние силы из таких стран с ориентацией безопасности на Запад, как Пакистан, Саудовская Аравия и Турция, хотя большинство исламских групп не связано с находящимися там у власти правительствами, а многие находятся в оппозиции к режимам, особенно в Турции. Анкара также активна в регионе в поощрении своей официальной версии ислама через институты и сотрудников Министерства по религиозным делам, хотя многие из них в действительности могут и не поддерживать ту повестку дня, которую желал бы их спонсор. Кроме того, жители региона заметили, что даже турецкая версия не-политического ислама более религиозна, чем та, которая преобладает в регионе, и поэтому Анкара может ненамеренно поддерживать ислам через эти программы. Недавние действия Москвы, оправдываемые борьбой с потенциальным исламским террором "кавказцев" в столице и других крупных городах России, отбрасыванием их домой на Кавказ и лишением многих из них средств к существованию, может подхлестнуть потенциальных сторонников исламской и другой радикальной политики, и прибавить нестабильности в регионе.

Источник потенциальной нестабильности в регионе исходит от "афганских арабов". Этот термин используется для указания на арабов и других мусульманских добровольцев, которые пришли в Афганистан извне и присоединились к борьбе против

Советского Союза в 1980-х годах. Совместная служба в Афганистане создала международную сеть исламских радикалов, делящихся знаниями и опытом по осуществлению боевых действий низкой интенсивности и террора. Эта сеть часто предлагает помощь различным движениям в регионе и пытается подстрекать их к радикальным действиям, и некоторые местные движения приняли эту помощь. Хотя в целом, в этом отношении, внешние элементы не смогли превратить основанную на исламе политическую активность в главную силу на Кавказе.

Иран и Кавказ

Политика Ирана в регионе больше управляется государственными геополитическими интересами, чем такими идеологическими целями, как поддержка ислама. С крушением Советского Союза Иран понял, что потенциально обремененная конфликтами зона изменила его когда-то стабильную северную границу, и что влияние со стороны новых государств может проникнуть во-внутренние иранские районы. С начала их независимости Тегеран принял очень трезвую точку зрения на установление новых мусульманских республик, видя в этом развитии опасность, которая исходит из внутреннего этнического фактора в добавок к возможностям расширенного влияния:

Основной почвой интереса, с точки зрения Тегерана, является недостаток политической стабильности в новых независимых республиках. Нестабильные условия в этих республиках могли оказаться серьезной причиной отсутствия безопасности вдоль протяженной границы (более чем 2000 километров), которую Иран разделяет с этими странами. Уже можно почувствовать работу иностранной руки в этих республиках, особенно в Азербайджанской и Туркменской республиках, с конечной целью обострить разногласия среди иранских азербайджанцев и туркмен путем разжигания этнических и националистических чувств.

Иран является много-этническим обществом, в котором примерно пятьдесят процентов его граждан имеет не-персидское происхождение. Наибольшей из групп меньшинств являются азербайджанцы, которые составляют около трети населения Ирана. Другими крупными группами являются курды, арабы, белуджи и туркмены. Многие из этих групп сконцентрированы в приграничных районах Ирана, и большинство имеет этнические связи в таких сопредельных государствах, как Азербайджан, Туркменистан, Пакистан, Ирак и Турция. Поэтому иранские этнические группы особенно подвержены влиянию тех событий, которые имеют место в этих пограничных государствах, а этнический вопрос не является просто внутренним делом. Одной из главных целей Ирана в регионе было предотвращение дестабилизации в иранском Азербайджане и роста в Иране основанной на этничности деятельности азербайджанцев.

Осторожная позиция Ирана по отношению к Кавказу совершенно оправданна. Вслед за независимостью Азербайджанской Республики, шквал активности, связанной с зондированием этнической и национальной идентичности, пронесся среди азербайджанцев в Иране. Установление Азербайджанской Республики привлекло внимание к национальной идентичности со-этноса по ту сторону границы нового государства и послужило стимулом для многих азербайджанцев в Иране для отождествления себя с азербайджанской этнической группой, хотя и не обязательно с самим новым государством. В начале 1990-х годов в Иране наблюдался значительный подъем в выражении азербайджанской этнической идентичности, так же как и важные политические проявления этой идентичности. Этот подъем не вызвал множества призывов к азербайджанским провинциям отколоться от Ирана и присоединиться к новой республике, но прежде всего способствовал росту культурных прав в рамках Ирана.

Его тесные отношения с Арменией иллюстрируют не-идеологическую природу иранской политики в регионе. Несмотря на свою риторику о нейтральности в Карабахском конфликте, сама по себе несогласованность с официальной идеологией государства, которое в течение основной части периода пост-независимости рисует себя как защитника и лидера шиитства в мире, и явно полностью предпочитая, чтобы Азербайджанская Республика оставалась вовлеченной в конфликт, была менее привлекательной для иранских азербайджанцев и неспособной размещать ресурсы и будоражить "Южный Азербайджан", Иран сотрудничал с Арменией, не обращая внимания на ее борьбу с шиитским Азербайджаном за контроль над Карабахом. Тегеран использовал анти-армянскую риторику только тогда, когда результаты конфликта стали прямо угрожать иранским государственным интересам. И все же не-идеологическая природа иранской политики в Карабахском конфликте не угрожала стабильности в регионе. Наоборот, сотрудничество Ирана с Арменией и его молчаливая поддержка в конфликте с Азербайджаном из-за Карабаха, усилили действительную и моральную силу Еревана, и в результате смогли уменьшить ощущение им безотлагательности в разрешении конфликта. Кроме того, ощущение Ираном страха того, что Азербайджанская Республика служит моделью этнической идентичности его собственного азербайджанского сообщества, привело к его заинтересованности в продолжении Карабахского конфликта, хотя и на низком уровне интенсивности. Иран разделяет интересы России в затягивании борьбы; поэтому этот фактор внес свой вклад в цементирование российско-иранского сотрудничества на Кавказе, дополнительно усложняя разрешение конфликта здесь. Россия заинтересована в поддержании конфликта, так как это предоставляет средства влияния и манипулирования для осуществления стратегических, экономических и политических интересов Москвы на Кавказе – пространстве, которое она все еще рассматривает зоной высшей важности, особенно в военной и экономической сферах. Более того, увековечение конфликта обеспечивает средства для сохранения зависимости Еревана от Москвы, и тем самым его покорность при размещении российских войск на его территории. Внешняя вовлеченность и манипулирование были главным фактором, который обострил Карабахский конфликт и внес вклад в его затягивание и эскалацию.

Кроме того, спор по поводу прав азербайджанского меньшинства в Иране и частые ирредентистские действия Баку служат в качестве главного фактора напряженности в отношениях между Азербайджанской Республикой и Ираном, что в Баку привело к росту ощущения изолированности и уязвимости. Эта напряженность затруднила сотрудничество между Ираном и Азербайджаном, и неизбежно нанесла ущерб более широкому региональному сотрудничеству, внося вклад в поиски Баку связи с Западными системами безопасности и продвигая проектирование ирано-американского соперничества в уже беспокойный кавказский регион. Продвижение Западного присутствия в каспийский регион подкрепило восприятие Ираном опасности в зоне, которая граничит с его территорией, и добавило элемент, который вносит вклад в нестабильность региона. Политика Тегерана в отношении Карабахского конфликта является хорошим примером различия мнений, которые контрастируют с его монолитным имиджем и очевидны в осуществлении внешней политики Ирана. Очевидно, что как противовес потенциальному азербайджанскому ирредентизму, преобладающий официальный иранский внешнеполитический истеблишмент обеспечил молчаливую поддержку Армении в конфликте и расширил сотрудничество с Ереваном. Эта политика была отражена в таких журналах, как Тейран Таймс. Установленная первостепенными государственными интересами, эта политика отделила открытую оппозицию от идеологически твердых сторонников, которые выступали за принятие исламской солидарности в отношении Азербайджана в статьях в Джомхури-й ислами. Даже иранское Министерство иностранных дел, казалось, имело расходящиеся мнения по вопросу о подходящей политике в отношении конфликта. Некоторые участники, такие как заместитель министра иностранных дел Вайези, рассматривались как

имеющие институциональный интерес в Иране, как стране, служащей в качестве успешного спонсора переговорного процесса между конфликтующими сторонами, и поэтому в начале 1990-х годов казалось, что он сыграет беспристрастную роль в их проведении. Критика со стороны Вайези России, как портящего фактора на переговорах, которая противоречила в то время развивающейся тенденции тегерано-московского сближения, является показателем его явной правдивости в видении переговорного процесса, которое однако и не выражало преобладающей иранской политики. Кроме того, представители иранских меньшинств - как азербайджанцы, так и армяне - лоббировали и оказывали давление на Иран в целях поддержки им политики благоприятствования их соответствующим со-этносам по ту сторону иранской границы и прямо организовывали помощь соответственно своим группам. Это стремление само по себе отражает тот факт, что значительное число азербайджанцев и армян в Иране отождествляет себя со своими со-этнотами во вновь установленных республиках, хотя многие параллельно отождествляют себя и как иранцы. Существующие в Иране различные точки зрения на осуществление политики в отношении конфликта и связей с Азербайджаном и Арменией, частично объясняют определенную политическую непоследовательность и изменения в отношении к Карабаху.

Реакция Ирана как на первый, так и на второй чеченский конфликты в 1990-х годах иллюстрирует не-идеологическую природу его политики на Кавказе. Иран придает важное значение его отношениям с Россией, которая стала его главным политическим союзником и важным партнером в экономическом и военном сотрудничестве, и поэтому проявляет осторожность, чтобы не повредить его отношениям с Москвой. В целом, несмотря на мусульманский фон чеченских повстанцев, официальные заявления и средства массовой информации Ирана были довольно мягки в своей критике России из-за этих войн, а иранские государственные деятели часто комментировали, что этот конфликт был внутренним делом России. Официально иранские осуждения звучали только тогда, когда межгосударственные отношения между Ираном и Россией оказывались в конфликте по другим проблемам. Кроме того, обходительность Ирана по чеченской проблеме часто награждалась Москвой повторением утверждений о ее готовности снабдить Тегеран так сильно желанными ему ядерными реакторами.

Заключение

Помимо сотрудничества между Ираном, Арменией и Россией, конфликты на Кавказе привели и к другим интересным брачным союзам, отклоняющимся от номинальных линий религиозных или "цивилизационных" сходств. Например, чеченские активисты помогали Москве в поддержке абхазов в их борьбе против Грузии. Кроме того, в начале после советского распада, транспорты с продовольствием для Армении следовали через Турецкую территорию, часто к огорчению Баку.

Использование религиозных этикеток для категоризации различных сторон враждебности на Кавказе мало что вносит в понимание корней этих конфликтов и, следовательно, нахождение соответствующих решений. Сравнительный недостаток практических методов Запада в понимании чаяний мусульманских народов Кавказа и предположений относительно их мотивации в борьбе, может действовать как само-осуществляемое пророчество и подталкивать многие мусульманские народы Кавказа в руки радикальных мусульман.